

© 2009 г.

Б.С. ИЛИЗАРОВ

ОТВЕТ СТАЛИНА НА ВОПРОСЫ СТУДЕНТА ХОЛОПОВА В ХОДЕ ЯЗЫКОВЕДЧЕСКОЙ ДИСКУССИИ 1950 года

Лингвистика – одна из самых сложных гуманитарных дисциплин, но уяснить сущность базовых проблем, научных споров, а главное – не простых человеческих отношений в контексте давно ушедшей эпохи вполне по силам. Действительный член Императорской академии наук Н.Я. Марр посвятил свою более чем 70-летнюю жизнь изучению начальных этапов и предсказанию дальнего будущего общемирового языка и типов мышления. Почетный академик АН СССР И.В. Сталин в 70-летнем возрасте решил освоить языковедческую науку (включая не простые писания Марра) за три-четыре месяца 1950 г. Не только освоил, но и серией из шести небольших публицистических заметок заложил основы принципиально нового “марксистского языкознания”.

Я работаю над готовящейся к изданию книгой «Почетный академик И.В. Сталин “за” и “против” академика Н.Я. Марра (о языковедческой дискуссии 1950 г. и проблемах с нею связанных)» с перерывами около шести лет, поскольку вопросы, поднятые как действительным, так и почетным членом Академии наук, относятся к фундаментальным. Что изначально было в человеке человеческое, кем он (человек) был до того, как им стал, и кем когда-нибудь будет? Отсюда вопрос вопросов – с чего началось очеловечивание человека, т.е. мышление? Со слова, как думали Платон и евангелист Иоанн, или с томления и катарсиса в поочередно избранный народ вечно незрелого Мирового Духа, как думал Гегель? Или, как лукаво домисливал Писание гетевский Фауст, “в начале было дело”, т.е. труд, что проповедовал и Маркс? А может быть все началось с жеста, как вещал Моисей в книге “Бытия” и многие после него, включая Дж. Вико и Марра? Все эти проблемы есть проблемы понимания начала начал и причины причин движений времен истории человечества. Они имеют прямое отношение не только к теологии и лингвистике, но и к философии, и к науке истории. В моем понимании прошлое, настоящее и будущее в их переливчатом единстве есть центральной объект изучения философии истории (историософии) человечества, тогда как ее базовый фактический элемент – исторический источник. Речь по существу идет о древнейших и первичных способах выражения мышления, а значит и о первичных и древнейших типах исторических источников, пронизывающих все времена, включая времена будущие и последние. В конечном счете, прояснению именно этого вопроса и посвящена упомянутая выше новая книга автора, отрывок из которой публикуется ниже.

* * *

Несмотря на сомнительность самого понятия “дискуссия” в тогдашних условиях, после публикации в “Правде” 20 июня 1950 г. своей установочной статьи “Относительно марксизма в языкознании” Сталин счел нужным напечатать еще несколько заметок, корректирующих подмеченные читателями неточности и собственные сомнительные

Илизаров Борис Семенович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН.

заявления. Конечно, виднейшим советским лингвистам, вынужденным участникам дискуссии как с той, так и с другой стороны, спорить было уже не о чем, да никто собственно и не пытался высказываться после программной публикации. Но Сталин в продолжение “диалога” с помощью партийного аппарата, который заранее готовил “спонтанные” письма читателей с нужными вопросами, продолжил “диспут”. Часть корреспонденции поступала и в ЦК, и в редакцию “Правды” самотеком, но и из них подбирались тексты, необходимые Сталину. В результате 29 июня того же года в “Правде” появилась заметка “К некоторым вопросам языкознания. Ответ товарищу Е. Крашенинниковой”, а 2 августа “Ответ товарищам. Товарищу Санжееву. Товарищам Д. Белкину и С. Фуреру. Товарищу А. Холопову”. И если письма Крашенинниковой и Санжеева были, возможно, инициированы, то письма последних трех авторов скорее пришли в Кремль по инициативе их написавших. Все трое прямо или завуалировано высказывали недоумение по поводу противоречий во взглядах Сталина на проблемы происхождения языков и наций и на их “коммунистическое” будущее сначала в довоенных сталинских работах и речах, а теперь в только что опубликованных дискуссионных заметках¹. В коротеньком письме студента из далекого северного поселка А. Холопова содержались наиболее существенные замечания. Фактически автор обвинил вождя в резкой смене идеологического курса, подметив заметное расхождение идеологии послевоенного сталинизма с идеями интернационального романтизма первых лет советской власти. Студент Холопов писал:

«Уважаемый тов. Сталин!

По прочтении Вашей статьи “Относительно марксизма в языкознании” у меня возник один вопрос, с которым я решил непосредственно обратиться к Вам ввиду того, что (как видно из Вашей статьи) наши языковеды неправильно разъясняют марксизм в языкознании.

Вопрос заключается в следующем!

У вас в разделе о характерных признаках языка написано: “Совершенно неправильно было бы думать, что в результате скрещения, скажем, двух языков получается новый, третий язык, не похожий ни на один из скрещенных языков и качественно отличающийся от каждого из них”. И далее: “Следовательно, скрещивание дает не какой-то новый, третий язык, а сохраняет один из языков...”.

А на XVI съезде ВКП(б) Вы говорили: “Что касается более далекой перспективы национальных культур и национальных языков, то я всегда держался и продолжаю держаться того ленинского взгляда, что в период победы социализма в мировом масштабе, когда социализм окрепнет и войдет в быт, национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым”.

Из статьи Вашей я понял, что от скрещивания языков никогда не может получиться новый какой-то язык, а до статьи твердо был уверен, согласно Вашему выступлению на XVI съезде ВКП(б), что при коммунизме языки сольются в один общий. Поэтому, товарищ Сталин, если можно Вас попросить ответить, то убедительно прошу прояснить вопрос о вышеприведенном.

Студент Мурманского Государственного Учительского института А. Холопов.

Мой адрес: Ваеньга, Мурманской обл., в/ч 40608 к.

P.S. Тов. Сталин, прошу Вас меня извинить за обращение к Вам».

На письме есть пометка: “Поступило в ОС (Особый сектор. – *Б.И.*) ЦК ВКП(б) 12.VII.50 г.”²

Как большинство писем военных и первых послевоенных лет, и это письмо было без конверта, а на военно-полевой манер сложено треугольником. На оттиске почтового

¹ Об ответах Сталина Санжееву, Фуреру и Белкину см.: *Илизаров Б.С.* К истории дискуссии по вопросам языкознания в 1950 году. – Новая и новейшая история, 2004. № 5.

² Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ), ф. 558, оп. 11, д. 1254, л. 6–8.

штемпеля дата и место отправки отпечатались неразборчиво, но зато хорошо читается надпись сделанная той же рукой, что и текст письма: “г. Москва, Кремль. Тов. Сталину”³. Для Сталина рукопись письма перепечатали на машинке. И рукопись, и перепечатки сохранились в сталинском архиве вместе с комплексом документов, относящихся к дискуссии. Нет никаких сомнений, что эти материалы (как и другие) Сталин лично направил в свой архив. Ему же принадлежат и подчеркивания ключевых слов о том, что он изменил свое мнение о возможности скрещивания языков и что в 1930 г. на XVI съезде партии Сталин вместе с Марром предрекал слияние в мировом масштабе всех наций и их языков.

В общем ряду серии “ответов” своим корреспондентам Сталин закончил писать “Ответ А. Холопову” последним, а именно 28 июля 1950 г. Над ним он размышлял больше двух недель и делает это очень обстоятельно. Независимо от того, наговаривал ли Сталин текст стенографистам или вчера писал его сам (как в данном случае), он, как правило, приказывал важный для него документ распечатать на машинке в нескольких экземплярах, которые использовал для дальнейшей доработки. В результате получилась заметка, затрагивающая наиболее существенные проблемы как философии истории, так и вопросы текущей идеологии сталинизма, облаченные в причудливую форму “научной языковедческой дискуссии”. Приведу сталинский текст полностью в том виде, в каком он сохранился в его архиве и был воспроизведен в печати, да и современному читателю он вряд ли памятен:

«Товарищу А. Холопову.

Ваше письмо получил.

Опоздал немного с ответом ввиду перегруженности работой.

Ваше письмо молчаливо исходит из двух предположений: из предположения о том, что допустимо цитировать произведения того или иного автора в отрыве⁴ от того исторического периода, о котором трактует цитата, и, во-вторых, из того предположения, что те или иные выводы и формулы марксизма, полученные в результате изучения одного из периодов исторического развития, являются правильными для всех периодов развития и потому должны остаться не изменеными.

Должен сказать, что оба эти предположения глубоко ошибочны.

Несколько примеров.

1. В сороковых годах прошлого века, когда не было еще монополистического капитализма, когда капитализм развивался более или менее плавно по восходящей линии, распространяясь на новые еще не занятые им территории, а закон неравномерности развития не мог еще действовать с полной силой, – Маркс и Энгельс пришли к выводу, что социалистическая революция не может победить в одной какой-либо стране, что она может победить лишь в результате общего удара во всех или в большинстве цивилизованных стран. Этот вывод стал потом руководящим положением для всех марксистов.

Однако вначале XX века, особенно в период первой мировой войны, когда для всех стало ясно, что капитализм домонополистический явным образом перерос в капитализм умирающий, когда война вскрыла неизлечимые слабости мирового империалистического фронта, а закон неравномерности развития предопределил разновременность созревания пролетарской революции в разных странах, – Ленин, исходя из марксистской теории, пришел к выводу, что в новых условия развития социалистическая революция вполне может победить в одной, отдельно взятой стране, что одновременная победа социалистической революции во всех странах или в большинстве цивилизованных стран невозможна ввиду неравномерности вызревания революции в этих странах, что старая формула Маркса и Энгельса уже не соответствует новым историческим условиям.

Как видно, мы имеем здесь два различных вывода по вопросу о победе социализма, которые не только противоречат друг другу, но и исключают друг друга.

³ Там же, л.9.

⁴ Здесь и далее разрядка в тексте принадлежит Сталину.

Какие-нибудь начетчики и талмудисты, которые, не вникая в существо дела, цитируют формально, в отрыве от исторических условий, – могут сказать, что один из этих выводов, как безусловно неправильный, должен быть отброшен, а другой вывод, как безусловно правильный, должен быть распространен на все периоды развития. Но марксисты не могут не знать, что начетчики и талмудисты ошибаются, они не могут не знать, что оба эти вывода правильны, но не безусловно, а каждый для своего времени: вывод Маркса и Энгельса – для периода домонополистического капитализма, а вывод Ленина – для периода монополистического капитализма.

2. Энгельс в своем “Анти-Дюринге” говорил, что после победы социалистической революции государство должно отмереть. На этом основании после победы социалистической революции в нашей стране начетчики и талмудисты из нашей партии стали требовать, чтобы партия приняла меры к скорейшему отмиранию нашего государства, к роспуску государственных органов, к отказу от постоянной армии.

Однако советские марксисты, на основании изучения мировой обстановки в наше время, пришли к выводу, что при наличии капиталистического окружения, когда победа социалистической революции имеет место только в одной стране, а во всех других странах господствует капитализм, страна победившей революции должна не ослаблять, а всемерно усиливать свое государство, органы государства, органы разведки, армию, если эта страна не хочет быть разгромленной капиталистическим окружением. Русские марксисты пришли к выводу, что формула Энгельса имеет в виду победу социализма во всех странах или в большинстве стран, что она неприменима к тому случаю, когда социализм побеждает в одной, отдельно взятой стране, а во всех других странах господствует капитализм.

Как видно, мы имеем здесь две различные формулы по вопросу о судьбах социалистического государства, исключаящие друг друга.

Начетчики и талмудисты могут сказать, что это обстоятельство создает невыносимое положение, что нужно одну из формул отбросить, как безусловно ошибочную, а другую, как безусловно правильную, – распространить на все периоды развития социалистического государства. Но марксисты не могут не знать, что начетчики и талмудисты ошибаются, ибо обе эти формулы правильны, но не абсолютно, а каждая для своего времени: формула советских марксистов – для периода победы социализма в одной или нескольких странах, а формула Энгельса – для того периода, когда последовательная победа социализма в отдельных странах приведет к победе социализма в большинстве стран и когда создадутся, таким образом, необходимые условия для применения формулы Энгельса.

Число таких примеров можно было бы увеличить.

То же самое нужно сказать о двух различных формулах по вопросу об языке, взятых из разных произведений Сталина и приведенных т. Холоповым в его письме.

Тов. Холопов ссылается на произведения Сталина “Относительно марксизма в языкознании”, где делается вывод, что в результате скрещивания, скажем, двух языков, один из языков обычно выходит победителем, а другой отмирает, что, следовательно, скрещивание дает не какой-то новый, третий язык, а сохраняет один из языков. Далее он ссылается на другой вывод, взятый из доклада Сталина на XVI съезде ВКП(б), где говорится, что в период победы социализма в мировом масштабе, когда социализм окрепнет и войдет в быт, национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни великорусским, ни немецким, а чем-то новым. Сличив эти две формулы и видя, что они не только не совпадают друг с другом, а исключают друг друга, т. Холопов приходит в отчаяние. “Из статьи Вашей, пишет он в письме, я понял, что от скрещивания языков ни когда не может получиться новый какой-то язык, а до статьи твердо был уверен, согласно Вашему выступлению на XVI съезде ВКП(б), что при комунизме языки сольются в один общий”.

Очевидно, что т. Холопов, открыв противоречие между этими двумя формулами и глубоко веря, что противоречие должно быть ликвидировано, считает нужным избавиться от одной из формул, как неправильной, и уцепиться за другую формулу, как

правильную для всех времен и стран, но за какую именно формулу уцепиться, – он не знает. Получается нечто вроде безвыходного положения. Тов. Холопов и не догадывается, что обе формулы могут быть правильными, – каждая для своего времени.

Так бывает всегда с начетчиками и талмудистами, которые, не вникая в существо дела и цитируя формально, безотносительно к тем историческим условиям, о которых трактуют цитаты, неизменно попадают в безвыходное положение.

А между тем, если разобраться в вопросе по существу, нет никаких оснований для безвыходного положения. Дело в том, что брошюра Сталина “Относительно марксизма в языкознании” и выступление Сталина на XVI съезде партии имеют в виду две совершенно различные эпохи, вследствие чего и формулы получаются различные.

Формула Сталина в его брошюре, в части, касающейся скрещивания языков, имеет в виду эпоху до победы социализма в мировом масштабе, когда эксплуататорские классы являются господствующей силой в мире, когда национальный и колониальный гнет остается в силе, когда национальная обособленность и взаимное недоверие наций закреплены государственными различиями, когда нет еще национального равноправия, когда скрещивание языков происходит в порядке борьбы за господство одного из языков, когда нет еще условий для мирного и дружественного сотрудничества наций и языков, когда на очереди стоит не сотрудничество и взаимное обогащение языков, а ассимиляция одних и победа других языков. Понятно, что в таких условиях могут быть лишь победившие и побежденные языки. Именно эти условия имеет в виду формула Сталина, когда он говорит, что скрещивание, скажем, двух языков дает в результате образование нового языка, а победу одного из языков и поражение другого.

Что касается другой формулы Сталина, взятой из выступления на XVI съезде партии, в части, касающейся слияния языков в один общий язык, то здесь имеется в виду другая эпоха, а именно – эпоха после победы социализма во всемирном масштабе, когда мирового империализма не будет уже в наличии, эксплуататорские классы будут низвергнуты, национальный и колониальный гнет будет ликвидирован, национальная обособленность и взаимное недоверие наций будут заменены взаимным доверием и сближением наций, национальное равноправие будет претворено в жизнь, политика подавления и ассимиляции языков будет ликвидирована, сотрудничество наций будет налажено, а национальные языки будут иметь возможность свободно обогащать друг друга в порядке сотрудничества. Понятно, что в этих условиях не может быть и речи о подавлении и поражении одних и победе других языков. Здесь мы будем иметь дело не с двумя языками, из которых один терпит поражение, а другой выходит из борьбы победителем, а с сотнями национальных языков, из которых в результате длительного экономического, политического и культурного сотрудничества наций будут выделяться сначала наиболее обогащенные единые зональные языки, а потом зональные языки сольются в один общий международный язык, который, конечно, не будет ни немецким, ни русским, ни английским, а новым языком, вобравшим в себя лучшие элементы национальных и зональных языков.

Требовать, чтобы эти формулы не находились в противоречии друг с другом, чтобы они не исключали друг друга, – также нелепо, как было бы нелепо требовать, чтобы эпоха господства социализма, чтобы социализм и капитализм не исключали друг друга.

Начетчики и талмудисты рассматривают марксизм, отдельные выводы и формулы марксизма, как собрание догматов, которые никогда не изменяются, несмотря на изменение условий развития общества. Они думают, что если они заучат наизусть эти выводы и формулы и начнут их цитировать вкривь и вкось, то они будут в состоянии решать любые вопросы, в расчете, что заученные выводы и формулы пригодятся им для всех времен и стран, для всех случаев жизни. Но так могут думать лишь такие люди, которые видят букву марксизма, но не видят его существа, заучивают тексты выводов и формул марксизма, но не понимают их содержания.

Марксизм есть наука о законах развития природы и общества, наука о революции угнетенных и эксплуатируемых масс, наука о победе социализма во всех странах, наука

о строительстве коммунистического общества. Марксизм, как наука, не может стоять на одном месте, – он развивается и совершенствуется. В своем развитии марксизм не может не обогащаться новым опытом, новыми знаниями, – следовательно, отдельные его формулы и выводы не могут не изменяться с течением времени, не могут не заменяться новыми формулами и выводами, соответствующими новым историческим задачам. Марксизм не признает неизменных выводов и формул, обязательных для всех эпох и периодов. Марксизм является врагом всякого догматизма.

28 июля 1950 г.»⁵

Не останавливаясь на многочисленных стилистических поправках, не имеющих большого значения для понимания обсуждаемых проблем, отметим только наиболее существенные из них. В окончательном варианте, говоря о том времени, когда все языки и нации начнут сливаться, Сталин, помимо победы социализма во всем мире на масштабе, добавил еще одно условие – когда “эксплуататорские классы будут уничтожены”⁶. Похоже, что Сталин все же продолжал усматривать связь между классовой структурой общества и его языками (семантикой), на чем настаивал и Марр.

Довольно основательно он переработал текст в том месте, где речь идет об отношении “русских марксистов” к победе социализма во всех странах сразу или в одной стране. Сталин первоначально написал его в такой редакции: “Это, как видите, два совершенно различных вывода. Если взять эти выводы Ленина в отрыве от тех исторических условий, о которых трактуют они, то нельзя не признать, что мы имеем здесь дело с явными противоречиями между ними. Какие-либо начетчики, которые цитируют формально, не вникая в дело, обязательно сказали бы, что из двух выводов Ленина следовало бы отбросить один, как неправильный и противоречащий другому. А между тем марксизм знает, что оба эти вывода правильны, но не абсолютно, а каждый для своего времени”⁷.

Надо признать, что в окончательном варианте эта же мысль сформулирована Сталиным более основательно.

В последнем варианте Сталин как опытный журналист особенно тщательно прорабатывал концовку, понимая, что именно по ней многомиллионная, мало понимающая в теоретическом языкознании аудитория будет судить об истинном отношении вождя и к обсуждаемым вопросам, и к молодому корреспонденту⁸. Учитывая, видимо, и без того жесткий тон по отношению к Холопову и абсолютную безапелляционность своих рассуждений, Сталин снял в окончательном варианте ранее написанный заключительный абзац: “Приводить цитаты к месту и не к месту и сопоставлять их друг с другом далеко еще не значит овладеть марксизмом. Овладеть марксизмом значит уловить существо марксизма и научиться пользоваться методом марксизма при решении важнейших проблем исторического развития. Конечно, это будет много труднее, чем жонглировать цитатами, но других путей для овладения марксизмом не существует”⁹.

Несмотря на заметные попытки смягчить интонацию и злую лексику “Ответа”, в нем сохранились хлесткие обороты, которые Сталин обычно употреблял в середине 20-х – конце 30-х годов, в периоды беспощадной борьбы с политическими оппозициями и очередными “врагами народа”. Именно в те годы он обвинял сторонников Троцкого, Зиновьева, Каменева и других в талмудизме, а Бухарина и его сторонников в начетничестве, намекая одновременно и на их этническую и изначально конфессиональную принадлежность. В данном случае Сталин полемизировал не со своими заклятыми и грозными соратниками, а всего лишь с безвестным студентом, робко извиняющимся за свои “наивные” вопросы. “Ответы” Крашенинниковой и Санжееву были выдержаны в благожелательных тонах. “Ответы” Белкину и Фуреру составлены уже суше. Но студен-

⁵ РГАСПИ, ф.558, оп.11, д.1254, л. 18–25, 100–114.

⁶ Там же, л. 37.

⁷ Там же, л. 71–72.

⁸ Там же, л.64–65.

⁹ Там же, л. 70.

та Холопова вождь явно пытался подавить своим авторитетом, превентивно обезоруживая будущих более серьезных, главным образом научных, оппонентов. И действительно, лет через 10 после его смерти, во времена хрущевской “оттепели”, немногие из выживших марристов робко попытались вернуться к некоторым идеям Марра, но это уже другая история.

По своей обычной редакторской привычке Сталин внес небольшие стилистические исправления даже в окончательный машинописный вариант всей подборки¹⁰, затем собственной рукой на чистом листе, как на титуле, написал общий заголовок: «“Ответ товарищам”. Исправлено. И.Ст.»¹¹

В тот же день, т.е. 28 июля 1950 г., когда Сталин закончил работу, он по уже заведенному им порядку на бланке ЦК, т.е. в высшей степени официально, направил письмо:

«Т.т. Берия, Булганину, Кагановичу, Маленкову, Микояну, Молотову, Хрущеву.

Посылаю для ознакомления “Ответ товарищам” по вопросам языкознания. Прошу дать свои замечания. Если до вечера субботы не поступит от вас замечаний, буду считать ответы одобренными. Предполагаю опубликовать их в очередном номере “Большевика”, выходящем 31 июля.

И. Сталин»¹².

Послание напечатано на машинке, но подписано оно собственноручно вождем. Как и в предыдущих случаях, замечаний от Берии, Молотова, Хрущева и других не последовало, и статья благополучно была опубликована в указанный срок и в указанном месте.

В архиве Сталина хранится № 14 за 1950 г. журнал “Большевик”, в котором опубликован “Ответ товарищам”. Там же помещена словоблудная статья одного из руководителей пропагандистского аппарата советского философа Г. Александрова под заголовком “Новый выдающийся вклад в сокровищницу ленинизма (о трудах И.В. Сталина по вопросам языкознания)”¹³. Миллионная аудитория “Большевика” видимо показала Сталину маловатой для столь важной научно-политической темы, да и дискуссия началась в мае не в журнале, а на страницах многомиллионной газеты “Правда”. Поэтому 2 августа “Ответ товарищам” (всем) было слово в слово перепечатан и в газете¹⁴. Затем на протяжении 1950-го и последующих до смерти Сталина годов в стране многомиллионными тиражами издавались в различных, в том числе и в подарочных, и в самых дешевых, форматах сталинские заметки по вопросам языкознания.

Все варианты статей и откликов на них, письма членам Политбюро и публикации в различных массовых изданиях, хвалебные отзывы (других, разумеется, не было) Сталин собрал в своем архиве. На многих публикациях сохранились следы собственноручной сталинской правки¹⁵.

* * *

В ответе Холопову Сталин несколько раз упомянул XVI съезд партии, на котором, как уже говорилось, не только он высказывался по проблемам будущей судьбы наций и их языков, на нем с приветственным словом от имени научных работников страны и явно по инициативе Сталина выступал и академик Марр. Однако XVI съезд оказался уникальным не только в этом “про-марристском” отношении. Сразу после основного доклада генерального секретаря с “организационным отчетом ЦК” выступил секретарь ЦК ВКП(б) Л.М. Каганович. Если в предвоенный период В.М. Молотов был “правой рукой” Сталина, то тогда же его “левой рукой”, без сомнения, был Каганович. Говорят он обладал недюжинными организационными способностями и совершенно беспощадной душой. Он настолько был предан вождю, или же так его боялся, что не посмел

¹⁰ Там же, л.13–48.

¹¹ Там же, л. 40.

¹² Там же, л. 12.

¹³ Там же, л. 91, 103, 87.

¹⁴ Там же, л. 90.

¹⁵ Там же, л. 91, 103.

заступиться даже за своего родного брата, покончившего с жизнью в преддверии ареста в 1941 г.

На XVI съезде партии в обширном докладе Каганович говорил о многих вещах, например об индустриализации, о коренной перестройке всех пролетарских организаций, о сельском хозяйстве, о росте культуры. В середине доклада Каганович запланированно отвлекся и заявил: “По линии культуры, по линии литературы, особенно в национальных республиках, обострилась классовая борьба, и нужна величайшая бдительность на этом фронте”. Приведя в качестве примера обострения классовой борьбы какую-то нелепую опечатку из статьи в “Правде”, переведенной на туркменский язык, Каганович заявил: «А вот пример из области философской литературы. В “Правде” была помещена рецензия о семи книгах философа-мракобеса Лосева. Но последняя книга этого реакционера и черносотенца под названием “Диалектика мифа”, разрешенная к печатанию Главлитом, является самой открытой пропагандой наглйшего нашего классового врага... Приведу лишь несколько небольших цитат из этого контрреволюционного и мракобесного произведения». Опуская большую часть цитат, которые в интерпретации оратора действительно звучали диковато, даю заключительную часть его научного пассажа, начиная с последних цитат из книги А.Ф. Лосева: “Коммунистам нельзя любить искусство. Раз искусство, значит – гений. Раз гений, значит – неравенство. Раз неравенство, значит – эксплуатация”; «иной раз вы с пафосом долбите: “социализм возможен в одной стране”; не чувствуете ли в это время, что кто-то или что-то на очень высокой ноте пищит у вас на душе: не-ет!».

«И это выпускается в Советской стране, – продолжал Каганович. – О чем это говорит? Это говорит о том, что у нас все еще недостаточно бдительности... Это выпущено самим автором, но ведь вопрос заключается в том, что у нас, в Советской стране, в стране пролетарской диктатуры, на частном авторе должна быть узда пролетарской диктатуры. А тут узды не оказалось. Очень жаль. (Голоса: “Правильно”.)»¹⁶.

Судя по дальнейшим выступлениям, сталинское партийное руководство было всерьез обеспокоено неожиданно проявленным вольнодумством во многих гуманитарных областях, и в особенности в области философии истории языка и мышления. Когда начались прения по докладам, Кагановича поддержал А.И. Стецкий, заведующий Агитпропотделом ЦК ВКП(б), обозвавший “некоего профессора Лосева” “мракобесом”¹⁷. Другой активный идеолог того времени, В.М. Киршон, пошел дальше всех: «Этот Лосев, – гремел он с трибуны, – помимо всяческих других откровенно-черносотенных монархических высказываний между прочим сообщает: “Пролетарские идеологи или ничем не отличаются от капиталистических гадов и шакалов, или отличаются, но еще им неизвестно, чем собственно они отличаются”».

Коммунист, работник Главлита, пропустивший эту книжку, в которой нас в лицо называют капиталистическими гадами и шакалами, мотивировал необходимость ее разрешения тем, что это “оттенок философской мысли”. (Смех. Голос: “Оппортунизм на практике”.) А я думаю, нам не мешает за подобные оттенки ставить к стенке. (Аплодисменты. Смех.)»¹⁸. Тайно постриженный в монашество, принадлежавший к религиозно-философскому учению “имяславия”, фрондерски настроенный Лосев действительно позволял себе двусмысленные высказывания в адрес власти, пользуясь тем, что рассматривал современную идеологию (любую) и науки (все) как составные части древнейшей общечеловеческой мифологии¹⁹.

Для академика Марра выступление на съезде совпало с высшим пределом в его административной карьере (он стал вице-президентом АН СССР), а для философа, историка античной эстетики и выдающегося теоретика-лингвиста Лосева злая репли-

¹⁶ XVI съезд Всесоюзной коммунистической партии (Большевиков). Стенографический отчет. М.-Л., 1931, с.75.

¹⁷ Там же, с. 271.

¹⁸ Там же, с. 279.

¹⁹ См.: Алексей Федорович Лосев. М., 2009.

ка Кагановича оказалась роковой. Отсидев несколько лет в лагерях, он только после смерти Сталина с трудом вернулся к полноценной научной деятельности и достиг выдающихся успехов. Но я напомнил о реплике Кагановича и судьбе Лосева не только для того, чтобы отметить особую роль XVI партийного съезда и советских руководителей в истории языкознания задолго до 1950 г.

Еще в своих ранних работах Лосев был солидарен с Марром в одном из центральных вопросов философии языка и мышления, а именно – возможно ли мышление без языковой оболочки и, если возможно, как оно соотносится с национальными языками, т.е. национально-языковым выражением мышления? В 1927 г. Лосев опубликовал одну из своих новаторских работ: “Философия имени”. В ней, в частности, писал: “Разумеется, в развитии субъекта нормального человека сплошь и рядом мы можем встретить так называемое бессловесное мышление; и вообще в нашей обыденной жизни сколько угодно можно мыслить, не употребляя слов. Однако такое бессловесное мышление есть не недостаток слова, недоразвитость его, но, наоборот, преодоление слова, восхождение на высшую ступень мысли. Здесь, кроме случаев действительной недоразвитости и патологии, мы не упраздняем слово, а поднимаемся над ним; и оно продолжает играть в мышлении свою великую роль, хотя уже в невидимой форме фундамента и первоначального основания. Это не упразднение слова, но утверждение на нем и надстройку над ним еще более высоких степеней мысли”²⁰. Напомню, в своих дискуссионных статьях 1950 г. Сталин особенно высмеивал мысли Марра о высшей бессловесной форме мышления, к которой, в конечном счете, придет все человечество. Но Лосев был не только в чем-то ранним единомышленником Марра, он был в определенном смысле продолжателем и самостоятельным разработчиком одной из главных идей Марра. В последние годы жизни Марр настойчиво пытался связать тип мышления, строй языка и общественно-экономическую формацию. Но эти попытки выглядели как политически ангажированные, вульгаризирующие не только фундаментальные проблемы лингвистики, но и сам формационный подход к истории человечества. После смерти Марра некоторые его последователи успели продвинуться в этом направлении, но не слишком далеко. И только в 70-х годах прошлого века Лосев представил серию блестящих работ, впервые продемонстрировав глубинную связь различных ступеней развития архаических и последующих обществ со строем их языка и типами мышления²¹.

Пройдя через сталинские лагеря и многолетние гонения за давние научно-идеологические “шалости”, в 70-х годах Лосев был крайне осторожен и демонстрировал принадлежность к марксистско-ленинской идеологии. Рассматривая этапы в развитии общечеловеческого мышления и языка он, в отличие от Марра, не настаивал на пересмотре догмата Энгельса о бесклассовой природе первобытного общества. Марр же утверждал, что язык зародился в реческой среде выделившейся из первичного человеческого стада, как особенное орудие магического воздействия на окружающий мир. Лосев, демонстративно отмежевываясь от взглядов Марра на классово-сословную природу языка, главную же идею стадийного развития языка и мышления человечества не только поддержал, но и развил и, как мне представляется, доказал на конкретном историческом и языковом материале.

Как и Марр, Лосев считал, что язык развился из нечленораздельных диффузных звуков, которые в “палеоазиатских” языках приобрели свойства “аморфных звуковых комплексов” или “чувственных пятен”. Как и Марр, Лосев считал, что изначально человек не выделял себя из первобытного коллектива и лишь постепенно, благодаря общественно-экономическому развитию и, не в последнюю очередь, благодаря языку, человек стал мыслить себя индивидуальностью, что отразилось и в языке (соответствующие местоимения и др.)²². Но у Лосева стадии развития общечеловеческого языка существенно отличались от механистических построений Марра. Взяв в качестве эмпирической ос-

²⁰ Лосев А. Ф. Философия имени. М., 1990, с. 32–33.

²¹ См. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. М., 1982.

²² Там же, с. 381–382.

новы материалы из ныне живых архаических языков, Лосев для древнейшего периода истории языка и мышления выстроил следующую восходящую классификацию:

– инкорпорированный строй языка-мышления, в котором отсутствует любая морфология, различие частей речи и членов предложения. Все предложение является в сущности одним словом. Вещи в человеческом сознании воспринимаются “только размытыми и бесформенными пятнами”, как поток “магического”, чародейского мира²³. (Марр называл этот этап “труд-магическим”. – *Б.И.*);

– прономинальный и посессивный строй языка, связанный с развитием разделения труда, с “гибелью первобытной собирательско-охотничьей экономики” и с зарождением скотоводства, земледелия и ремесла. В связи с этим происходят изменения в логике мышления и в грамматике языка, развивается морфология, человек начинает различать сущность и явление, а с ними и части речи. Человек учится абстрагировать, в связи с чем появляется представление о вещи как “носителе разного рода свойств и признаков”. Появление личных местоимений символизирует первые этапы выделения индивидуума из общей племенной массы, а зарождение глаголов-имен говорит о зарождении флексивного строя. Этот период связывается Лосевым с периодом тотемизма и фетишизма²⁴;

– эргативный строй характерен тем, что его язык-мышление способен “выразить действующего субъекта”, на что не были способны предыдущие формации. Это было время, когда “человек уже начинал чувствовать себя действующим началом, а не просто пассивным орудием в руках неведомых, непреодолимых сил и вполне стихийных сил природы и общества”²⁵. Эргативный строй языка и мышления явился выразителем новой идеологии анимизма, когда человек научился отличать идею вещи от самой вещи;

– номинативный строй знаменовал собой переходную ступень от первобытно-общинной формации к рабовладельческой. Лосев считал, что номинативный строй языка и связанный с ним тип мышления характерен дальнейшим выделением личности в качестве активно действующего субъекта истории. С ним связан переход от матриархата к патриархату. В языке и мышлении хотя и сохраняются элементы мифологии, но вместе с тем мифология уже “отходила в туманное прошлое и заменялась более рациональным мировоззрением, и в частности греческой натурфилософией”²⁶.

В дальнейшем Лосев попытался продолжить изучение формационных качеств в развитии языка и мышления в связи с культурной и общественно-экономической историей в таких фундаментальных трудах, как многотомная “История античной эстетики”, в двухтомной “Истории античной эстетики. Итоги тысячелетнего развития”, в “Эстетике возрождения” и в других выдающихся работах. Лосев продолжает линию Марра (не прямолинейно конечно), не только развивая стадийный подход к изучению языка-мышления, но и придавая, в отличие от послевоенного Сталина, своей концепции откровенно интернациональную, общечеловеческую направленность. Не случайно, прежде чем перейти к критике Марра и к размежеванию с ним он счел нужным заявить: “Наше исследование языка и мышления хочет служить делу общечеловеческой солидарности, но не делу общечеловеческого антагонизма”.

Не знаю, можно ли считать критикой в адрес Марра текст, который я здесь привожу? Скорее это попытка оградить себя от обвинений в приверженности к научному направлению, табуированному Сталиным и его последователями в языкознании в 1950-е и последующие годы. Свое стадийное исследование Лосев начинал еще в начале 1940-х годов, когда имя Марра и его учеников было в полной силе, а закончил в 50-х XX в. уже после развенчания марристов. Скорее всего, поэтому Лосев, публикуя указан-

²³ Там же, с. 382–383.

²⁴ Там же, с. 388–390.

²⁵ Там же, с. 983.

²⁶ Там же, с. 400.

ную работу в 1982 г.²⁷, счел нужным обезопасить себя следующим пассажем: “Став на точку зрения социально-исторических объяснений, наше исследование тщательнейшим образом избегло тех ошибок, в которые впал Н.Я. Марр и его ученики. *Марр ведь тоже стремился объяснить язык и мышление из общественной практики* (выделено мной. – *Б.И.*). Но для этого он пускал в ход совершенно некритические представления о классово-борьбе, расширяя и сужая понятие класса до таких размеров, что оно не только выходило за пределы марксизма, но и превращалось в прямую его противоположность. Напротив того, в течение всего нашего исследования мы ни разу не столкнулись с таким положением дела, где было бы необходимо говорить о каких-нибудь классах. И это произошло потому, что мы твердо стоим на марксистско-ленинском учении о доклассовости всего первобытного общества, т.е., конкретно говоря, общинно-родовой формации. В противоположность Марру, находившему классы чуть ли уже не в первобытном стаде, мы внимательнейшим образом прослеживаем назревание классового общества только в период развала всей общинно-родовой формации, так что, например, на греческой почве о классах можно говорить никак не раньше второй четверти I тысячелетия до н.э. Язык есть явление общественное. Но язык никак не есть явление классовое; а тем более было бы неразумно говорить о классовой структуре языков периода общинно-родовой формации”²⁸. Однако на работы учеников Марра, как своих предшественников в рамках общей с ними научной парадигмы, в частности на труды академика И.И. Мещанинова, Лосев не упускал случая сослаться²⁹.

Я все больше убеждаюсь в том, что в отличие от Сталина Марр был подлинным и дерзновенным ученым, не только допускаящим значительные ошибки, но и совершавшим научные прорывы.

---

²⁷ Речь идет “О типах грамматического предложения в связи с историей мышления”, работе, опубликованной в сборнике: *Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф...*, с. 280–407.

²⁸ Там же, с. 402–403.

²⁹ См.: Там же, с. 249.